
КОНТЕКСТ: ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРОВ И ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

К. РОСС*

РОССИЙСКИЕ ВЫБОРЫ И ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ СИГНАЛИЗИРОВАНИЕ

Аннотация. Данное исследование оценивает качество и уровень демократичности региональных выборов в России, а также степень, в которой они могут быть определены как свободные и честные. В частности, в ней рассматриваются практики электоральной манипуляции на выборах исполнительной и законодательной власти в регионах в 2014–2016 гг. Исследование показывает, что в ответе на вопрос о том, почему популярные авторитарные режимы прибегают к фальсификациям, значительную роль играет посыл «электорального сигнала» оппозиции об отсутствии политического будущего вне правящей партии, а также о бесплезности оспаривания текущего политического режима.

Ключевые слова: региональные выборы; электоральные манипуляции; электоральное сигнализирование.

* **Росс Камерон**, преподаватель Университета Данди (Шотландия), глава Европейского института безопасности и права (Центр Жана Моне), главный редактор журналов «Европейская политика и общество» (издательство «Routledge, Taylor and Francis») и «Российская политика» (издательство «Brill Academic Publishers»).

Ross Cameron, Reader in Politics and International Relations, University of Dundee; Host of the European Institute for Security and Justice A Jean Monnet Centre of Excellence; editor of the Journal European Politics and Society (Routledge, Taylor and Francis); Chief Editor of the Journal Russian Politics (Brill Academic Publishers).

C. Ross
Russian elections and electoral signalling

Abstract. This study assesses the democratic integrity of Russian regional elections and the degree to which they can be considered to have been, free and fair. In particular, it examines electoral malpractice in the last three rounds of regional assembly and gubernatorial elections which took place in September 2014, 2015 and 2016. In answer to the question, why do popular authoritarian regimes, engage in election fraud, the study argues that high degrees of blatant electoral manipulation send a strong signal to members of the opposition that there can be no political future outside of the ruling party, and it is pointless to try and mount a challenge against the regime.

Keywords: regional elections; electoral manipulation; electoral signalling.

В данном исследовании предпринята попытка оценить демократичность и качество выборов в российских регионах и степень, в которой их можно считать свободными и справедливыми. В частности, рассматриваются свидетельства злоупотреблений электоральными практиками в последних трех раундах выборов исполнительной и законодательной власти в регионах, состоявшихся в 2014–2016 гг. В последние годы ряд ученых указали на появление новых гибридных режимов, которые сочетают в себе черты авторитаризма и демократии и тем самым занимают «серую зону» между этими двумя противоположностями. Так, Андерс Шедлер [Schedler, 2013, p. 2] проводит различие между «электоральной демократией», которая удовлетворяет основным требованиям демократичности по Р. Далю, и «электоральным авторитаризмом», где правила избирательного процесса грубо нарушаются. Как отмечает исследователь, выборы в условиях электорального авторитаризма носят регулярный характер и являются:

- инклюзивными (они проводятся на основе всеобщего избирательного права);
- достаточно плюралистичными (оппозиционные партии имеют право баллотироваться);
- достаточно конкурентными (партии и кандидаты вне правящей коалиции, несмотря на невозможность победить, могут выиграть голоса избирателей и места в парламентах);
- достаточно открытыми (репрессии в отношении оппозиции носят спорадический и избирательный характер).

Однако такие выборы не удовлетворяют минимально необходимым демократическим качествам, поскольку «правительства (в электоральных авторитарных режимах) подвергают их многочисленным формам авторитарных манипуляций, которые нарушают либерально-демократические принципы свободы, справедливости и целостности» [Schedler, 2013, p. 2].

Понятие свободных и честных выборов

С точки зрения Л. Даймонда [Diamond, 2008, p. 24–25], выборы могут считаться свободными, когда юридические барьеры для входа на политическую арену низкие, конкурирующие кандидаты, партии и их сторонники свободны в осуществлении предвыборной кампании, а избиратели могут голосовать за кого хотят без страха и запугивания. Также выборы являются справедливыми, если:

- они администрируются нейтральным органом;
- органы управления избирательным процессом являются достаточно компетентными и обеспеченными ресурсами для предотвращения нарушений в процессе сбора и подсчета голосов;
- полиция, вооруженные силы и суды беспристрастно относятся к соперничающим кандидатам и партиям на протяжении всего избирательного процесса;
- кандидаты имеют равный доступ к средствам массовой информации;
- гарантирована тайна голосования [Ibid].

Также свободные и справедливые выборы невозможны без реализации других ключевых принципов «либеральной демократии» – верховенства права и независимой судебной системы, а также гарантий базовых прав человека, таких как свобода прессы, собраний и ассоциаций [Росс, 2014]. Симпсер [Simpser, 2013, p. 12] перечисляет следующие распространенные примеры манипуляций с избирателями в авторитарных режимах: вброс или уничтожение избирательных бюллетеней; фальсификация результатов или иное вмешательство в подсчет голосов; подделка списков избирателей; покупка голосов до и во время выборов; создание препятствий для регистрации кандидатов; запугивание или подкуп избирателей до и во время выборов; многократное голосование.

Как отмечает Петров [Petrov, 2012, p. 1], после массовых акций протеста в 2011 г. Кремль разработал новую стратегию по контролю за выборами. Вместо того чтобы участвовать в рискованном бизнесе прямого вмешательства в подсчет голосов, власти решили сосредоточить свои усилия на отказе оппозиционным партиям и кандидатам в доступе к выборам на этапе регистрации. Это не значит, что нарушения избирательного процесса не были важным фактором региональных выборов 2014–2016 гг.: все варианты различных типов манипуляций, перечисленных Симпсером, имели место, однако победа «Единой России» на региональных выборах в значительной мере была обеспечена благодаря отсеиванию оппозиционных партий и кандидатов [Кунев, 2014; Кынев, 2016; Кынев, Любарев, 2016; Кынев, Любарев, Максимов, 2014, 2015].

Ключевым фактором способности Кремля манипулировать выборами является контроль над избирательными комиссиями, большинство из которых далеки от того, чтобы быть беспристрастными [Baekken, 2016; Harvey, 2015; Jarabinský, 2015]. Половина членов избирательных комиссий субъектов Федерации назначаются губернаторами, вторая половина – региональными legislатурами. Поскольку «Единая Россия» доминирует в исполнительной и законодательной ветвях власти; в такой ситуации, как отмечает Г. Голосов, региональные администрации «получили полный контроль над системой региональных избирательных комиссий» [Goloso, 2011, p. 637]. Другим способом обеспечения доминирования в региональных legislатурах стала манипуляция избирательным и партийным законодательством. Важно отметить, что с тех пор, как В. Путин стал президентом в 2000 г., ни одни выборы не проводились по одним и тем же правилам, что и предшествующие; также были сделаны многочисленные поправки в региональное законодательство о выборах и партиях.

Изменения в законодательстве о партиях

Одним из основных критериев свободных и честных выборов является наличие конкуренции между кандидатами и партиями. Тем не менее принятие Федерального закона «О политических партиях» в 2001 г. привело к существенному сокращению числа зарегистрированных партий, соответственно – к сокращению

уровня партийной соревновательности на региональных выборах. Закон «О политических партиях» изначально определил, что для официальной регистрации партийные организации должны иметь не менее 10 тыс. членов, отделения – не менее, чем в 45 регионах из 89, в каждом из которых должно быть не менее 100 членов. В декабре 2004 г. произошло пятикратное увеличение требований к регистрации: общее количество членов увеличилось до 50 тыс. (не менее 500 в каждом региональном отделении), в результате чего количество зарегистрированных партий резко сократилось с 46 в 2005 г. до 7 в 2011 г.

Вслед за массовой протестной мобилизацией по поводу результатов декабрьских выборов 2011 г. последовали радикальные изменения в избирательном и партийном законодательстве, которые вступили в силу весной 2012 г. Эти изменения облегчили для партий процесс регистрации и участия в выборах. Согласно данным изменениям необходимое количество членов снизилось до 500, в результате количество партий увеличилось до 79 по состоянию на сентябрь 2014 г., что косвенно свидетельствует о намеренной стратегии Кремля держать оппозицию слабой и фрагментированной. Более того, многие из новых партий, которые появились в результате законодательных изменений 2012 г., являются партиями-спойлерами и были созданы Кремлем специально для того, чтобы подражать названиям и программам оппозиционных партий. К примеру, как отмечает Г. Голосов, «семь партий были зарегистрированы известным российским политическим консультантом Андреем Богдановым специально для того, чтобы отнимать голоса у настоящей оппозиции» [Golosov, 2015, p. 177]. Партииспойлеры левого спектра включали «Патриотов России», партию «За справедливость», Коммунистическую партию социальной справедливости (КПСС) и партию «Коммунисты России», – все они были созданы для того, чтобы отбирать голоса у системной оппозиции, «Справедливой России» и КПРФ. Подобным образом Демократическая партия России, «Народный альянс», «Гражданская позиция» и «Гражданская сила» выступили партиями-спойлерами для «Гражданской платформы» и других либеральных оппозиционных партий. В этих же целях использовались кандидаты с одинаковыми с оппозиционными политиками именами [Кынев, 2016].

Изменения в законодательстве о выборах

После массовых демонстраций 2011 г. произошли позитивные изменения в избирательном законодательстве: было отменено требование собирать подписи за списки кандидатов, а необходимое количество подписей для независимых кандидатов было снижено с 2 до 0,5% от числа зарегистрированных избирателей в округе (Федеральный закон от 2 мая 2012 г. № 41). Такое развитие событий положительно повлияло на процесс регистрации: в первых двух раундах региональных выборов, проведенных в соответствии с новым законодательством (октябрь 2012 и сентябрь 2013 гг.), произошло значительное снижение количества партийных списков, которым отказали в регистрации. Среднее число зарегистрированных списков на регион выросло с 13,2 в 2012 г. до 17,2 в 2013 г. – наиболее высокие показатели в истории российских выборов [Кынев, Любарев, 2016, с. 18]. В дополнение, Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 303 снизил минимальный процент депутатов региональных парламентов, выборы которых должны были проходить по пропорциональной системе с 50 до 25%, а для Москвы и Санкт-Петербурга требование наличия пропорциональной системы было вовсе отменено. Также Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 95 снизил порог прохождения в региональный парламент с 7 до 5%.

Однако либерализация избирательного законодательства вскоре завершилась в связи с тем, что массовые протесты против режима стали выдыхаться и режим почувствовал себя в большей безопасности [Kogunyuuk, Ross, Shpagin, 2017]. Уже в 2014 г. была принята череда поправок, которые позволили Кремлю ужесточить контроль над избирательным процессом и отменить многие позитивные аспекты реформ 2012 г. [Партийная реформа... 2015]. Данные поправки имели целью восстановить «единообразие и предсказуемость» результатов выборов для Единой России. Например, в мае 2014 г. требование собирать подписи для партийных списков было восстановлено (хотя процент необходимых подписей был снижен с 2 до 0,5% от числа избирателей). В то же самое время в одномандатных округах количество требуемых подписей возросло с 0,5 до 3% от общего числа избирателей (Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 95).

В целом новые правила регистрации партий и кандидатов оказались далекими от того, чтобы выровнять условия для всех участников. Так, партии, которые имеют представительство в Государственной Думе или получили не менее 3% голосов на последних федеральных выборах, согласно законодательным новациям 2012 г. освобождались от сбора подписей. Это означало, что четыре думские партии («Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР), а также «Яблоко», набравшее 3,4% на выборах 2011 г., были допущены к выборам 2014–2016 гг. по умолчанию. Помимо этого партии, которые имели представительство в региональных парламентах, получившие не менее 3% голосов на региональных выборах, либо не менее 0,5% от общего количества мандатов в муниципальных советах региона, также освобождались от сбора подписей на выборах в соответствующем субъекте Федерации, что позволило ряду оппозиционных партий принять участие в выборах в некоторых регионах, не собирая подписей. В целом, однако, возвращение требования сбора подписей обернулось резким падением среднего числа зарегистрированных списков: с 17,2 в 2013 г. до 8,4 в 2014 г.; 7,8 в 2015 г. и 6,9 в 2016 г. [Кынев, Любарев, 2016, с. 18].

Мобилизация избирателей

В условиях свободных выборов, как только избиратели сформировали свои предпочтения, у них должна быть также возможность свободно выразить эти предпочтения. Тайна голосования должна обеспечивать эту свободу и защищать избирателей от внешнего давления в любой форме – принуждения, подкупа или социального неодобрения. Статья 3.1 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 01.06.2017) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 г. гласит: «Гражданин Российской Федерации участвует в выборах на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании»; в статье 3.3 также отмечается, что «участие гражданина Российской Федерации в выборах и референдуме является свободным и добровольным. Никто не вправе оказывать воздействие на гражданина Российской Федерации с целью принудить его к участию или неучастию в выборах и референдуме либо воспрепятст-

вовать его свободному волеизъявлению». Тем не менее в России зафиксированы множественные случаи, когда граждане теряли право на свободное волеизъявление или на них оказывалось давление в целях принудить их голосовать за «Единую Россию». Гражданские служащие, студенты и пенсионеры являются наиболее уязвимыми группами с этой точки зрения. Законодательные изменения мая 2014 г. (Федеральный закон от 05.05.2014 № 95-ФЗ) вернули практику досрочного голосования и открепительных удостоверений. Досрочное голосование было отменено в 2010 г. после множественных жалоб на злоупотребления со стороны членов избирательных комиссий. В 2014 г. особенно большое количество избирателей, проголосовавших досрочно, было зафиксировано в Татарстане (13,1%), Республике Марий Эл (15%) и Хабаровском крае (17,1%) [Кынев, Любарев, Максимов, 2015, с. 339–340]. В 2015 г. 18,1% избирателей Республики Коми и четверть избирателей (24,9%) Магаданской области проголосовали досрочно [Кынев, Любарев, Максимов, 2015, с. 454–455]. В 2016 г. очередными поправками в избирательное законодательство досрочное голосование было запрещено для региональных и муниципальных выборов, за исключением отдаленных территорий (Федеральный закон от 9 марта 2016 г. № 66).

Согласно лидеру регионального отделения партии «Справедливая Россия» в Тульской области, в 2014 г. нарушения в процедуре досрочного голосования в регионе главным образом были в пользу «Единой России». Среди государственных и муниципальных служащих проводились собрания, в ходе которых они получали инструкции, как голосовать [Кынев, Любарев, Максимов, 2015, с. 323]. Похожим образом в Алтайском крае были зафиксированы свидетельства того, что гражданские служащие принуждались к досрочному голосованию. Наблюдатели отмечали, что региональные администрации дали установку на привод не менее 10% сотрудников. Некоторые крупные предприятия, такие как РЖД или сеть супермаркетов «Лента», также проинструктировали своих работников проголосовать досрочно. В результате, в одном из избирательных округов доля проголосовавших досрочно достигла 40%. Сравнение результатов досрочного голосования и голосования в день выборов показывает гораздо большую долю голосов за «Единую Россию» в досрочном голосовании [Кынев, Любарев, Максимов, 2014, с. 15–16].

Переносные урны для голосования также стали ключевым методом фальсификаций на выборах. Во многих случаях избиратели были включены в списки без их ведома или даже вопреки их воле. Количество проголосовавших на дому, т.е. с использованием переносных урн, было чрезвычайно высоким на выборах 2014 г. в Республике Марий Эл – 12,9%, Тульской области – 14; в 2015 г. в областях: Курганской – 13,3, Белгородской – 13,6, Рязанской – 14,2 и Воронежской – 18% [Кынев, Любарев, Максимов, 2015, с. 341, 456].

Процесс регистрации

В 2009 г. был отменен избирательный залог, что означало, что отныне партии могут быть зарегистрированы на выборах только посредством сбора подписей (в большинстве регионов требовалось 2% от числа избирателей в субъекте Федерации). Кандидатам отказывали в регистрации, если они не смогли собрать достаточное их количество, либо 10% собранных подписей признавались недействительными. Значительному числу оппозиционных кандидатов было отказано в регистрации по последней причине, например потому, что подписавшие ставили дату или подпись в неправильном месте, или потому, что они использовали неправильные чернила, или по другим незначительным ошибкам, которые допускали сборщики подписей [см.: Ross, 2011, 2014]. Также кандидаты могли быть не допущены до выборов по причине того, что они не предоставляли информации о своем образовании, доходе и другие персональные данные.

В докладе движения «Голос за права избирателей» обозначено, что избирательные комиссии и региональные чиновники зачастую разделяют партии на участников «первого» и «второго» сорта. К первому *«преимущественно относятся парламентские партии и партии, лояльные действующей власти, как правило, национально-патриотической направленности. Ко “второму” – партии т.н. “несистемной” оппозиции, а также те региональные отделения “системных партий”, лидеры которых находятся в конфликте с региональными властями»* (Analytical Report № 2...). В некоторых регионах именно кандидаты, партии и наблюдатели не из «первого класса» сталкиваются с проблемами регистрации на выборах.

Отказ в регистрации партий

В таблицах 1–3 демонстрируется, что 20% партийных списков было отказано в регистрации на выборах 2014 г.; разброс по этому показателю варьируется от 0% в Брянской области, Тыве и Севастополе до 50% в Карачаево-Черкесии. В 2015 г. общее число отказов выросло до 38,3%, а в четырех регионах процент отказа превысил 50%, например, в Магаданской (64,7), Челябинской (54,5), Новосибирской (53,3) и Воронежской (50%) областях. В 2016 г. 24,3% партийных списков были отклонены, в трех регионах при этом было отсеяно более половины списков (Орловская, Ленинградская и Новгородская области).

Таблица 1

Партийные списки, которым было отказано в регистрации на региональных выборах 2014 г.

Регионы	Выдвинуто списков	Зарегистрировано списков	Количество и доля списков, которым было отказано в регистрации
Алтайский край	14	12	2 (14%)
Кабардино-Балкария*	13	9	4 (31%)
Карачаево-Черкесия **	12	6	6 (50%)
Марий Эл	9	8	1 (11%)
Татарстан	11	8	3 (27%)
Тыва	7	7	0 (0%)
Хабаровский край	10	7	3 (30%)
Брянская область	10	10	0 (0%)
Волгоградская область	15	12	3 (20%)
Тульская область	8	7	1 (13%)
Ненецкий АО	9	8	1 (11%)
Республика Крым	14	12	2 (14,2%)
Севастопольский край	14	14	0 (0,0%)
Всего	118	94	24 (20%)

Источники: [Кынев, Любарев, Максимов, 2015] и сайт Центральной избирательной комиссии РФ (Режим доступа: <http://www.cikrf.ru>). Не включает данные по выборам в Московскую городскую думу, где отсутствует пропорциональная составляющая. *Легислатуры Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии избираются по полностью пропорциональной системе.

Таблица 2

**Партийные списки, которым было отказано
в регистрации на региональных выборах 2015 г.**

Регионы	Выдвинуто списков	Зарегистрировано списков	Количество и доля списков, которым было отказано в регистрации
Государственный совет Республики Коми	9	8	1 (11,1%)
Белгородская областная дума	12	9	3 (25,0%)
Воронежская областная дума	12	6	6 (50,0%)
Законодательное собрание Калужской области	18	10	8 (44,4%)
Костромская областная дума	18	15	3 (16,7%)
Курганская областная дума	9	6	3 (33,3%)
Магаданская областная дума	17	6	11 (64,7%)
Законодательное собрание Новосибирской области	15	7	8 (53,3%)
Рязанская областная дума	11	9	2 (18,2%)
Законодательное собрание Челябинской области	11	5	6 (54,5%)
Законодательное собрание Ямало-Ненецкого автономного округа	9	6	3 (33,3%)
Всего	141	87	54 (38,3%)

Источники: [Кынев, Любарев, Максимов, 2015] и сайт Центральной избирательной комиссии РФ (Режим доступа: <http://www.cikrf.ru>).

Таблица 3

**Партийные списки, которым было отказано
в регистрации на региональных выборах 2016 г.**

Регионы	Выдвинуто списков	Зарегистрировано списков	Количество и доля списков, которым было отказано в регистрации
1	2	3	4
Республика Адыгея	6	5	1 (16,6%)
Республика Дагестан	16	12	4 (25,0%)
Республика Ингушетия	8	7	1 (12,5%)
Республика Карелия	11	7	4 (36,3%)
Республика Мордовия	6	5	1 (16,6%)
Чеченская Республика	4	4	0 (0,0%)
Чувашская Республика	9	7	2 (22,2%)
Алтайский край	8	5	3 (37,5%)
Камчатский край	8	5	3 (37,5%)
Красноярский край	12	10	2 (16,6%)

Продолжение табл. 3

1	2	3	4
Пермский край	10	6	4 (40,0%)
Приморский край	10	6	4 (40,0%)
Ставропольский край	8	6	2 (25,0%)
Амурская область	11	9	2 (18,1%)
Астраханская область	10	6	4 (40,0%)
Вологодская область	7	7	0 (0,0%)
Калининградская область	12	8	4 (33,3%)
Кировская область	8	6	2 (25,0%)
Курская область	11	6	5 (45,4%)
Ленинградская область	11	5	6 (54,5%)
Липецкая область	11	9	2 (18,1%)
Московская область	17	13	4 (23,5%)
Мурманская область	12	9	3 (25,0%)
Нижегородская область	12	11	1 (8,3%)
Новгородская область	10	5	5 (50,0%)
Омская область	9	6	3 (33,3%)
Оренбургская область	8	7	1 (12,5%)
Орловская область	9	4	5 (55,5%)
Псковская область	8	7	1 (12,5%)
Самарская область	10	8	2 (20,0%)
Свердловская область	13	10	3 (23,0%)
Тамбовская область	7	6	1 (14,2%)
Тверская область	8	6	2 (25,0%)
Томская область	9	8	1 (11,1%)
Тюменская область	10	7	3 (30,0%)
Санкт-Петербург	14	9	5 (35,7%)
Еврейская авт. область	5	4	1 (20,0%)
ХМАО – Югра	7	7	0 (0,0%)
Чукотский авт. округ	4	4	0 (0,0%)
Всего	361	272	89 (24,3%)

Источники: [Кынев, Любарев, 2016] и сайт Центральной избирательной комиссии РФ (Режим доступа: <http://www.cikrf.ru>).

Пристальное изучение партий, которым было отказано в регистрации списков, показывает, что в подавляющем большинстве случаев это были представители несистемной оппозиции. «Единая Россия» справилась лучше всех с преодолением этого барьера, ни одному из ее партийных списков не было отказано в регистрации в 2014–2016 гг. и почти все кандидаты от партии были зарегистрированы. Другие парламентские партии, а также партии, которым не надо было собирать подписи, также оказались в более выгодном положении, чем несистемная оппозиция.

В 2016 г. партии, которым не было необходимости собирать подписи, смогли зарегистрировать почти всех своих кандидатов: ЕР – 99,4%, КПРФ – 99,1, СР – 99, ЛДПР – 98,3, «Яблоко» – 96,3%. В то же время тем, кто должен был предоставить подписи, пришлось хуже: «Патриоты России» зарегистрировали 82,1% списков, «Партия роста» – 74,3, «Родина» – 41,9, а «Российская партия пенсионеров за справедливость» – лишь 59,4%. Кынев и Любарев отмечают значительную региональную вариацию в количестве отклоненных подписей на выборах 2016 г.: от 0,6 до 100% у «Коммунистов России»; от 0,1 до 100% у «Патриотов России»; от 1,3 до 100% у «Родины»; от 1,3 до 36,7% у «Партии роста»; от 0,7 до 100% у РППС; от 2,4 до 99,9% у партии «Зеленые» [ibid, p. 56].

Обращаясь к одномандатным округам, в таблице 4 демонстрируется, что 28,2% кандидатов было отказано в регистрации в 2014 г., 20,7% – в 2015 г. и 19% – в 2016 г. Однако для партий с преференциями в регистрации соответствующие цифры отказов – 3,9%, 2,1 и 3,0%; для кандидатов без преференций цифры сильно отличаются: 74,2% в 2014 г., 89,4 – в 2015 г. и 86,0% – в 2016 г. Независимые кандидаты также оказались в невыгодном положении: 55,2% было отказано в регистрации в 2014 г., 61 – в 2015 г. и 63% – в 2016 г. Практически во всех случаях основной причиной отказа в регистрации списков были проблемы в подписных листах.

Таблица 4

**Вариация в числе зарегистрированных кандидатов
в одномандатных округах на выборах в региональные
легислатуры 2014–2016 гг.**

Выборы	Всего	С льготами (без сбора подписей)	Без льгот (со сбором подписей)	Независимые кандидаты
2014 г.				
Выдвинуто	1799	1043	260	496
Зарегистрировано	1291	1002	67	222
Отфильтровано %	28,2	3,9	74,2	55,2
2015 г.				
Выдвинуто	1302	956	133	213
Зарегистрировано	1032	935	14	83
Отфильтровано %	20,7	2,1	89,4	61,0
2016 г.				
Выдвинуто	5272	4019	571	682
Зарегистрировано	4282	3948	80	254
Отфильтровано %	19,0	3,0	86,0	63,0

Источники: [Кынев, Любарев, Максимов, 2015], [Кынев, Любарев, 2016].

В 2015 г. основной мишенью таких действий стала Партия народной свободы (ПАРНАС) – коалиция либеральных партий, которая включала членов Партии прогресса Алексея Навального, «Демократического выбора» Владимира Милова, «Гражданской инициативы» Андрея Нечаева, Партии 5 декабря и Партии либертарианцев. Коалицию также поддержали движение «Солидарность» и «Открытая Россия» Михаила Ходорковского. ПАРНАС выдвинула кандидатов в четырех регионах – Калужской, Костромской, Магаданской и Новосибирской областях, но их удалось зарегистрировать только в Костроме (после изначального решения отказать в регистрации, оно было отменено в результате апелляции). Поправки в избирательное законодательство, которые усложняли и запутывали процесс регистрации, были приняты как раз накануне выборов в этих регионах. Стоит отметить, что партии-спойлеры Андрея Богданова («Демократическая партия России» и «Народный альянс») также выдвинули своих кандидатов, чтобы отобрать голоса у «Демократической коалиции».

В Магаданской и Новосибирской областях коалиция не смогла принять участие в выборах по причине признания недействительными 10% подписей [Litvinova, 2015 a, p. 1]. В Новосибирске коалиция подала около 11 700 подписей; 24 июля областная избирательная комиссия постановила, что лишь 10 187 являются действительными – 470 подписей не хватило для преодоления необходимого порога [Wright, 2015, p. 3]. После постановления избиркома коалиция пересмотрела все подписи, которые не удовлетворяли требованиям. В ряде случаев оказалось, что члены избирательной комиссии намеренно совершили ошибки при внесении информации в базу данных. Представители Коалиции также утверждали, что база данных Федеральной миграционной службы, с которой сверялась информация об избирателях, устарела, что во многих случаях объясняло выявленные расхождения [ibid, p. 3].

В Калужской области коалиция решила не сдавать подписные листы, обвинив прокремлевских активистов в проникновении в штаб кампании и подделке 30% подписей. Одну из таких подписей, которую позже объявили подделкой, поставил местный житель под объективом телекамеры [ibid, p. 3]. В конце концов, коалиция была допущена к выборам только в Костроме, где она не смогла преодолеть 5%-ный барьер, получив лишь 2,28% голосов

по партийным спискам и менее 1% (0,45%) голосов в одномандатных округах.

Новосибирский избирком отказал также в регистрации партиям «Зеленые», «Родина», «Женщины России» и Демократической партии России. Все подписи «Гражданской инициативы» в Калужской и Магаданской областях, «Коммунистов России» – в Курганской и Партии национальной безопасности – в Магаданской области были признаны недействительными, преимущественно по причине неточностей в персональных данных партийных кандидатов [Analytical Report № 2..., 2015]. Примером абсурда может служить ситуация с тремя кандидатами от КПРФ в Новочеркасске (Ростовская область), которым было отказано в регистрации по причине диакритических знаков в документах кандидатов: вместо буквы «е» в официальном названии улицы «Буденовская» кандидат использовал букву «ё», что послужило причиной для отзыва регистрации по решению суда [ibid].

Явка

В регионах, где явка была намного больше средней по России, есть веские основания утверждать, что там были фальсификации. Отмечена значительная корреляция между высокой явкой и высокой долей голосов за «Единую Россию», что позволяет предположить вброс бюллетеней за партию власти. В 2014 г. явка варьировалась от 21% в Москве до 80% в Татарстане и Тыве, в 2015 г. явка была ниже 40% в шести регионах: 30,4% в Курганской области и 69,4% в Ямало-Ненецком АО. В 2016 г. выборы в регионах прошли одновременно с выборами в Государственную думу, на которых была зафиксирована самая низкая явка за постсоветский период (среднее значение – 48%). Лишь в 10 из 39 регионов явка превысила 50%; самое низкое значение было в Санкт-Петербурге (32,7%), однако были и регионы с аномально высокой явкой – в Чечне (94,9%), Дагестане (88,1%), Мордовии (83%) и Ингушетии (81,4%), в которых одновременно был зафиксирован высокий уровень поддержки ЕР.

Результаты выборов в региональные legislatures

Как можно увидеть из таблицы 5, в 2014 г. «Единая Россия» собрала в среднем 65,2% голосов по партийным спискам, в 2015 г. – 59,1, в 2016 – 58%. КПРФ являлась второй партией по количеству собранных голосов в 2014–2015 гг. и третьей (после ЛДПР) в 2016 г., значительно отставая от ЕР. В среднем КПРФ собирала 11–14% голосов, ЛДПР 3,8–8,6 и «Справедливая Россия» всего 2,4–5,6%.

Таблица 5

Средний процент голосов и мандатов, полученных парламентскими партиями на выборах 2014–2016 гг.

Дата	«Единая Россия» голоса / места (%)	КПРФ голоса / места (%)	ЛДПР голоса / места (%)	СР голоса / места (%)
2014	65,2 / 84,7	11,3 / 6,5	6,9 / 3,8	5,1 / 2,4
2015	59,1 / 81,8	12,3 / 7,2	9,9 / 4,2	9,8 / 5,9
2016	58,0 / 74,4	14,1 / 8,9	15,8 / 8,6	3,6 / 5,6

Источник: Сайт Центральной избирательной комиссии РФ (Режим доступа: <http://www.cikrf.ru>).

Таблица 6

Процент голосов и мест, полученных ЕР на выборах в региональные legislatures

Регионы, 2016	% голосов	% мест
1	2	3
Республика Адыгея	58,3	78,0
Республика Дагестан	75,5	80,0
Республика Ингушетия	75,9	81,3
Республика Карелия	33,2	66,7
Республика Мордовия	83,7	93,8
Чеченская Республика	87,7	90,2
Чувашская Республика	50,7	81,8
Алтайский край	34,1	63,2
Камчатский край	48,3	75,0
Красноярский край	38,6	71,2
Пермский край	43,8	67,8
Приморский край	39,5	57,5
Ставропольский край	53,1	78,0
Амурская область	35,9	69,4
Астраханская область	42,3	62,1

Продолжение табл. 6

1	2	3
Вологодская область	37,3	73,5
Калининградская область	41,2	72,5
Кировская область	35,9	68,5
Курская область	50,2	77,8
Ленинградская область	51,3	80,0
Липецкая область	53,9	80,4
Московская область	43,2	76,0
Мурманская область	39,2	78,1
Нижегородская область	54,9	82,0
Новгородская область	38,9	65,6
Омская область	36,3	65,9
Оренбургская область	41,1	72,3
Орловская область	46,0	68,0
Псковская область	44,1	75,0
Самарская область	51,0	80,0
Свердловская область	40,3	70,0
Тамбовская область	62,3	88,0
Тверская область	46,5	77,5
Томская область	41,2	73,8
Тюменская область	56,6	81,3
Санкт-Петербург	41,3	72,0
Еврейская авт. область	42,4	68,4
ХМАО – Югра	46,9	73,7
Чукотский авт. округ	61,7	66,7
Всего	58,06	74,4

Но даже несмотря на результаты других партий, процент мест, которые получила ЕР, значительно превысил процент отданных за нее голосов: в среднем «Единая Россия» получила в 2014 г. 84,7% мандатов, в 2015 г. – 81,8 и 74,4% в 2016 г. Партия власти получила менее половины голосов в 24 из 39 регионов в 2016 г., однако ей досталось более двух третей депутатских мест в 36 из 39 региональных парламентов и более 80 мандатов в 11 регионах (табл. 6). В отличие от ЕР, другие партии получили меньшую долю мест, чем процент отданных за них голосов, поскольку особенности пропорциональной системы в большинстве регионов благоприятствуют доминирующей партии. Парламентские партии получили 97,4% мандатов в 2014, 98,3 – в 2015 г. и более 90% в 2016 г., оставляя другим партиям совсем незначительное количество депутатских мест, завоеванных, как правило, в одномандатных округах.

Таблица 7

**Распределение мест, полученных партиями
по пропорциональной и плюральной (мажоритарной)
системам на выборах 2016 г.**

	«Единая Россия»		КПРФ		ЛДПР		СР	
	Проп.	Маж.	Проп.	Маж.	Проп.	Маж.	Проп.	Маж.
Всего	569	747	150	8	146	7	88	11

Адаптировано из: [Эксперт КГИ Аркадий Любарев..., 2016].

Как демонстрируется в таблице 7, изменения в законодательстве в пользу мажоритарной избирательной системы оказались выгодны в первую очередь партии власти. «Единая Россия» оказалась крайне успешной в одномандатных округах, получив 747 мандатов (92,6% от общего числа) по сравнению с 569 полученными по партспискам (59% от общего числа). Более того, в 12 региональных легислатурах (Чувашская Республика, Вологодская, Ленинградская, Мурманская, Нижегородская, Псковская, Тамбовская, Тверская, Томская и Тюменская области, Еврейская АО и Чукотский АО) ЕР выиграла 100% мест по мажоритарной системе. В отличие от ЕР, все остальные парламентские партии выступили гораздо хуже в одномандатных округах по сравнению с пропорциональной системой: КПРФ получила лишь 8 мандатов, ЛДПР – 7, «Справедливая Россия» 11 мест (сайт Центральной избирательной комиссии РФ (Режим доступа: <http://www.cikrf.ru>)).

Губернаторские выборы

Для регистрации в качестве кандидатов в губернаторы претенденты должны пройти так называемый «муниципальный фильтр» путем сбора подписей депутатов муниципальных советов и глав муниципалитетов в соответствующем регионе. В некоторых субъектах Федерации сбор подписей является чрезвычайно затратным, часто не существует надежной информации о количестве муниципальных депутатов и их партийном статусе. Более того, как отмечают Кынев и Любарев, в отдельных регионах администрации инструктировали депутатов собирать подписи централизованно и

после этого определяли, за кого отдать эти подписи [Кынев, Любарев, 2016].

Наиболее серьезным барьером в процессе регистрации является доминирование в подавляющем большинстве муниципальных советов представителей «Единой России», что для оппозиционных кандидатов означает необходимость искать поддержку у депутатов «партии власти» и региональной администрации. Например, в 2014 г. в Башкортостане ЕР имела 7600 представителей в локальных советах, тогда как КПРФ только 300, СР – 238, ЛДПР – 103, Патриоты России – 50. Для того чтобы выдвинуться на пост губернатора, необходимо было собрать 457 подписей, – очевидно, что ни одна из партий, кроме ЕР, не могла собрать такое количество [Кынев, Любарев, Максимов, 2015, с. 130]. Подобным образом в Татарстане представители ЛДПР отмечали, что если бы ЕР не помогла другим партиям собрать подписи, они бы не смогли принять участие в выборах, поскольку 90% муниципальных депутатов были членами «партии власти» [Analytical Report № 2...].

«Единая Россия», однако, оказывала поддержку не всем оппозиционным партиям. Партия отклонила просьбу Сергея Гуляева, члена Партии народной свободы, поддержать его на выборах губернатора Ленинградской области. Виктор Петров от «Коммунистов России» также попросил помощи у ЕР, поскольку в его документах на регистрацию не была указана прописка, а аббревиатура партии оказалась вписана в неправильную графу, но тоже получил отказ. Василий Проничев («Патриоты России») смог собрать необходимое количество подписей, но поскольку они охватывали недостаточное количество муниципалитетов, зарегистрироваться ему не удалось. На пресс-конференции 31 июля 2015 г. Проничев заявил, что прохождение «муниципального фильтра» контролировалось чиновниками из региональной и местных администраций, а также нотариусами, – вместе они заблокировали возможность его регистрации. Сергей Муравский («Родина»), выдвигавшийся в Калининградской области, написал письмо в областную избирательную комиссию, где он отметил, что не смог подать документы, поскольку депутаты, готовые поставить за него подпись, были слишком напуганы, чтобы раскрыть свои имена, и опасались преследований на почве поддержки его кандидатуры. Многие боялись лишиться работы, поскольку зависели от региональных и местных властей [Analytical Report № 2..., 2015, p. 8]. Все эти факторы при-

вели к ситуации, в которой «Единая Россия» (по команде из Кремля) решает, каким оппозиционным кандидатам позволить пройти стадию регистрации и кто, в конечном итоге, будет соревноваться с кандидатом от «партии власти».

Регистрация кандидатов

В среднем 31,5% претендентов на губернаторский пост в 2014–2016 гг. не смогли попасть в избирательные бюллетени (табл. 8). В 2014 г. эта доля была 33,8%, в 2015 – 31, в 2016 – 22%. Как отмечает Рыжков, «уничтожив сильнейших соперников на стадии регистрации, власти уничтожили любую возможность соревнования в зародыше. Выборы потеряли всякое значение и стали не чем иным, как референдумом в поддержку действующих губернаторов» [Ryzhkov, 2014, p. 2]. В 2015 г. девять губернаторов подали в отставку до истечения сроков своих полномочий, чтобы принять участие в сентябрьских выборах. У большинства на тот момент оставалась возможность в течение двух лет пребывать на посту, у некоторых – несколько дней. Михаил Игнатьев, глава Чувашии, подал в отставку в июне, за два месяца до выборов. Рустам Минниханов, глава Республики Татарстан, оказался наиболее терпеливым: его заявление было подано всего за день до истечения срока полномочий 24 марта 2015 г. Согласно российскому законодательству, если губернатор уходит со своего поста досрочно, выборы назначаются на ближайший единый день голосования. Критики утверждают, что такая тактика применялась прокремлевскими губернаторами для того, чтобы обеспечить себе кресло руководителя региона на следующие пять лет [Litvinova, 2015 b, p. 1]. Также необходимо отметить, что помимо 21 губернатора, избираемого напрямую, инкубенты трех субъектов Федерации (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Северная Осетия) переизбирались из состава региональных legislatures из числа кандидатов, одобренных президентом Путиным [Nechepurenko, 2015, p. 1].

Таблица 8

Выдвижение и регистрация кандидатов на губернаторских выборах 2012–2014 гг.

Дата выборов	Количество регионов	Число выдвинутых кандидатов	Среднее число кандидатов на регион	Число (%) зарегистрированных кандидатов	Число (%) отказов в регистрации
14 сентября 2014 г.	30	204	6,8	135 (66,2)	69 (33,8)
13 сентября 2015 г.	21	142	6,7	98 (69,0)	44 (31,0)
18 сентября 2016 г.	7	41	5,8	32 (78,0)	9 (22,0)
Всего	58	387	6,4	265 (68,4)	122 (31,5%)

Источник: Сайт Центральной избирательной комиссии РФ (Режим доступа: <http://www.cikrf.ru>).

Явка на губернаторских выборах

Отсутствие интереса к некоторым губернаторским выборам привело к необходимости мобилизации избирателей для придания процессу хотя бы некоторой степени легитимности. К примеру, в Калининграде городской совет 24 июня 2015 г. провел два собрания, на которых от сотрудников потребовали обеспечить массовую регистрацию жителей Калининграда на сайте в поддержку действующего губернатора Николая Цуканова. Присутствие на встречах административного персонала Думы и помощников депутатов было обязательным. На губернаторских выборах 2016 г. только в двух из семи регионов явка превысила 50% – в Чечне (94,9%) и Ульяновской области (52,4%). Самая низкая явка была отмечена в Забайкальском крае (38,9%).

В результате «Единая Россия» победила в 28 из 30 губернаторских выборов в 2014 г., в 19 из 21 – в 2015 г., наконец, во всех 7 выборах 2016 г. (независимый кандидат в Тульской области получил поддержку ЕР). В 2014 г. самовыдвиженец Никита Белых при поддержке ЕР был переизбран губернатором Кировской области, как и губернатор Орловской области, член партии КПрФ Вадим Потомский. В 2015 г. ЕР помогла обеспечить победу кандидату от ЛДПР в Смоленской области, а единственной неожиданностью стала победа во втором туре кандидата от КПрФ Сер-

гея Левченко на выборах в Иркутской области. Кынев отмечает [Кунев, 2014, р. 5], что в 15 из 30 случаев в 2014 г. победитель получил более 80% голосов (наиболее успешным оказался Николай Меркушкин в Самарской области с результатом 91,4%). В других восьми регионах победители собрали от 70 до 80% и лишь в семи регионах – мене 70%. В 2015 г. поддержка кандидатов от ЕР варьировалась от 50,6 в Амурской области до 94,4 в Татарстане и 96,7% в Кемеровской области. В 2016 г. наименьшую поддержку оказали избиратели Забайкальского края и Ульяновской области (54,3%), наибольшую – в Чечне, где Рамзан Кадыров собрал 96,4% голосов. В Тыве действующий губернатор Шолбан также отличился подозрительно высокой поддержкой в 85,6% голосов.

Заключение

Для оценки качества выборов могут быть использованы следующие критерии. 1. Воля граждан: насколько местные выборы демонстрируют, что воля избирателей была выражена и носители власти получили легитимное одобрение? 2. Возможность смены власти: насколько выборы позволяют сменить правящую коалицию? Иными словами, имеют ли оппозиционные партии реальные шансы на победу? 3. Обеспечение доверия: насколько выборы обеспечивают доверие политической системе, а политики осуществляют власть в общих интересах? 4. Обеспечение одинаковых условий: насколько условия одинаковы для всех кандидатов? Имеют ли определенные кандидаты изначальные преимущества? [Reynolds, Reilly, 2002].

В России, как показывает данное исследование, первые три фактора присутствуют в очень слабой степени, а четвертый в принципе отсутствует: равных условий для выборов нет в подавляющем большинстве регионов. Процесс регистрации далек от того, чтобы быть честным и свободным как на парламентских, так и на губернаторских выборах; популярные партии были оттеснены от выборов по причине мелких нарушений в регистрационных документах, проблем с проверкой подписных листов и / или избирательными фондами. Помимо этого, кандидатам отказывали в регистрации потому, что они делали незначительные ошибки в предоставленной информации о себе (образование, источники до-

хода и собственность). Бёкен отмечает, что за такого рода нарушения требований обычно полагается штраф, в России же «принцип соразмерного наказания проигнорирован», поскольку небольшие отступления от норм могут привести к тому, что кандидаты оказываются лишены конституционного права быть избранными [Ваеккен, 2015, р. 65]. Более того, во многих случаях граждане также теряли активное избирательное право в результате давления на них, в особенности – на работников государственного сектора, в целях принуждения голосования за «Единую Россию». Ранние выборы, переносные урны для голосования и открепительные удостоверения также были использованы Кремлем и региональными властями для обеспечения голосования за «партию власти».

Региональные выборы 2014–2016 гг. проводились уже после кризиса в Украине, и в этот период рейтинги одобрения В. Путина были очень высоки. Можно предположить, что в этих условиях ЕР и так получила бы необходимую поддержку даже без необходимости прибегать к манипуляциям и фальсификациям на выборах. Следующий вопрос, таким образом, заслуживает внимания: почему вообще полуавторитарные режимы проводят выборы? Зачем они прибегают к электоральным манипуляциям и фальсификациям, если они и так имеют поддержку большинства избирателей? Отвечая на первый вопрос, Харви пишет: «Многopартийные выборы позволяют авторитарным правителям кооптировать оппозицию, направить их требования в регулируемую среду законодательных органов власти, собирать информацию и предотвращать дезертирство элит» [Harvey, 2016, р. 106]. Выборы также позволяют усилить легитимность авторитарных правителей, а результаты многопартийных выборов позволяют режиму идентифицировать электоральную базу власти и оппозиции. Ганди и Ласт-Окар делятся следующим наблюдением: «Проводя выборы и устанавливая правила относительно правовых условий участия кандидатов и партий, диктаторы создают “разделенные” структуры политического соревнования, состоящие из аутсайдеров, которые не допускаются к выборам, и инсайдерам, которые становятся более связанными с режимом» [Gandhi, Lust-Okar, 2009, р. 405]. Наконец, необходимо также отметить, что выборы, тем не менее, не лишены рисков для режима, поскольку «предполагают возможность для оппозиции (как внутренней, так и международной) организовать и мобилизоваться против режима, тем самым – спровоцировать

массовые протесты» [Harvey, 2016, p. 106], что, как показывают декабрьские выборы 2011 г., вполне реально в России.

При ответе на второй вопрос – почему авторитарные режимы фальсифицируют выборы – Симпсер [Simpser, 2013, p. 1] ставит под сомнение идею, что манипуляции избирательным процессом нужны в первую очередь для победы на выборах. Он обращает внимание на то, что фальсификации часто осуществляются в условиях, когда инкубенты могли бы победить и без их использования. Более того, некоторые манипуляции носят слишком беззастенчивый характер и не могут быть скрыты от публики. Симпсер подчеркивает, что откровенные нарушения служат для того, чтобы «отбить желание у оппозиционных избирателей участвовать в выборах или протестовать; убедить чиновников оставаться лояльными правительству; убедить потенциальных спонсоров партий и кандидатов в бесполезности поддержки оппозиции; предотвратить дезертирство элит и усилить постэлекторальную переговорную силу режима; наконец, снизить необходимость делиться рентой и другими правительственными благами» [Ibid]. Обобщая, можно сказать, что высокая степень вопиющих нарушений на выборах посылает сильный сигнал членам оппозиции, что у них не может быть политического будущего вне правящей партии, поэтому бесполезно пытаться бросать вызов режиму.

Аргумент Симпсера позволяет объяснить столь откровенные манипуляции выборами в России и желание губернаторов превзойти друг друга в сборе голосов за «Единую Россию». Тем не менее остается достаточно большое количество регионов, где ЕР не смогла набрать большинства голосов (хотя и смогла его собрать в legislatures благодаря одномандатным округам). К примеру, ЕР не смогла набрать большинство по партийным спискам в 24 из 39 региональных ассамблей в 2016 г. Так же как победа на выборах посылает сигнал оппозиции, что бесполезно соревноваться с властью, так и провал попыток власти собрать достаточно большое количество голосов может стать негативным сигналом, подразумевающим, что «партия власти» не столь сильна, как кажется, и что она теряет контроль над региональными элитами и оппозиционными силами в регионах.

Список литературы

- Кынев А.В.* Российские выборы-2016: Предсказуемая кампания с непредсказуемыми последствиями // Неприкосновенный запас. – М., 2016. – № 6 (110). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2016/6/rossijskie-vybory-2016-predskazuemaya-kampaniya-s-nepredskazuem.html> (Дата посещения: 08.08.2017.)
- Кынев А.В., Любарев А.Е.* Особенности предвыборной агитации, изменения в составе зарегистрированных кандидатов и партийных списков на региональных и федеральных выборах 18 сентября 2016: Аналитический доклад // Комитет гражданских инициатив. – 2016. – Режим доступа: <https://komitetgi.ru/analytics/2930/> (Дата посещения: 08.08.2017.)
- Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н.* Аналитический доклад № 5 по долгосрочному наблюдению выборов 14.09.2014 // Комитет гражданских инициатив. – М., 2014. – Режим доступа: <https://komitetgi.ru/analytics/1816/> (Дата посещения: 08.08.2017.)
- Кынев А.В., Любарев А.Е., Максимов А.Н.* На подступах к федеральным выборам-2016: Региональные и местные выборы в России 13 сентября 2015 года. – М.: Либеральная миссия, 2015. – 565 с.
- Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 гг.: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / Под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунюка, А.Е. Любарева, Г.М. Михалевой. – М.: Издательство «Товарищество научных изданий «КМК», 2015. – 200 с.
- Эксперт КГИ Аркадий Любарев проанализировал распределение мандатов на выборах региональных парламентов 18 сентября 2016 года // Комитет гражданских инициатив. – 2016. – 17 октября. – Режим доступа: <https://komitetgi.ru/analytics/2989/> (Дата посещения: 08.08.2017.)
- Analytical report № 2. Nomination process for candidates and political party lists local elections on September 13, 2015, Russian Federation // Голос за честные выборы; European Platform for Democratic Elections. – Mode of access: <http://st.golosinfo.org/2015/08/bef7d8bc.pdf> (Дата посещения: 20.03.2017.)
- Baekken H.* Selections before elections: Double standards in implementing election registration procedures in Russia? // Communist and Post-Communist studies. – L., 2015. – N 48. – P. 61–70.
- Diamond L.* The spirit of democracy. – N.Y.: Holt Paperbacks, 2008. – 464 p.
- Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition / Ed. by A. Schedler. – Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006. – 267 p.
- Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D.* Political machines at work voter mobilization and electoral subversion in the workplace // World politics. – Baltimore, 2016. – Vol. 66, N 2. – P. 195–228.
- Gandhi J.* Political institutions under dictatorship. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – 232 p.
- Gandhi J., Lust-Okar E.* Elections under authoritarianism // Annual review of political science. – Palo Alto, Calif., 2009. – N 12. – P. 403–422.
- Golosev G.V.* Building a new political machine // Russian analytical digest. – Zurich; Bremen, 2009. – N 57. – P. 2–6. – Mode of access: <http://www.css.ethz.ch/> con-

- tent/dam/ethz/special-interest/gess/cis/ center-for-securities-studies/pdfs/RAD-57.pdf (Дата посещения: 08.08.2017.)
- Golosov G.V.* Do spoilers make a difference? Instrumental manipulation of political parties in an electoral authoritarian regime, the case of Russia // *East European politics*. – L., 2015. – Vol. 31, N 2. – P. 170–186.
- Golosov G.V.* The regional roots of electoral authoritarianism in Russia // *Europe-Asia studies*. – Glasgow, 2011. – Vol. 63, N 4. – P. 623–639.
- Harvey C.J.* Changes in the menu of manipulation: Electoral fraud, ballot stuffing, and voter pressure in the 2011 Russian election // *Electoral studies*. – Oxford, 2016. – Vol. 41, N 106. – P. 105–117.
- Jarabinský I.* Appearances are deceptive: Credibility of the Russian election commission // *East European Politics*. – L., 2015. – Vol. 31, N 1. – P. 88–103.
- Korgunyuk Yu., Ross C., Shpagin S.* Party reforms and the unbalancing of the cleavage structure in Russian regional elections, 2012–2015 // *Europe-Asia Studies*. – Glasgow, 2017. – (forthcoming).
- Kynev A.* Russia's September 14 regional elections: Strengthening the rules and reducing competition against the background of the Ukrainian crisis // *Russian analytical digest*. – Zurich; Bremen, 2014. – N 156. – P. 2–6. – Mode of access: http://www.css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/Russian_Analytical_Digest_156.pdf (Дата посещения: 08.08.2017.)
- Litvinova D.* Opposition cornered by authorities in regional election race // *The Moscow times*. – M., 2015 b. – August 10. – P. 1.
- Litvinova D.* Russian regions prepare to vote after campaign of tricks, complacency // *The Moscow times*. – 2015 a. – September 11. – P. 1.
- Magaloni B.* Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2008. – 316 p.
- Nechepurenko I.* Russia's regional elections marred by pressure on observers fraud // *The Moscow times*. – 2015. – September 14. – Mode of access: <https://themoscowtimes.com/news/russias-regional-elections-marred-by-pressure-on-observers-fraud-49522> (Дата посещения: 08.08.2017.)
- Petrov N.* Why the Kremlin is still afraid of elections // *The Moscow times*. – 2012. – 1 October. – Mode of access: <https://themoscowtimes.com/articles/why-the-kremlin-is-still-afraid-of-elections-18206> (Дата посещения: 08.08.2017.)
- Popova M.* Watchdogs or attack dogs? The role of the Russian courts and the central election commission in the resolution of electoral disputes // *Europe-Asia studies*. – Glasgow, 2006. – Vol. 58, N 3. – P. 391–414.
- Report on the long-term observation of the regional and local elections, Russian Federation, 14 September 2014 // *Голос за честные выборы; European Platform for Democratic Elections*. – Mode of access: http://www.epde.org/tl_files/EPDE/RESSOURCES/Election%20reports/Russia%20Local%20Elections%202014/Report_Ru2014%20loc-el_EN.pdf (Дата посещения: 20.03.2017.)
- Reynolds A., Reilly B.* The International IDEA handbook of electoral system design. – Stockholm: International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 2002. – 132 p. – Mode of access: http://www.ifes.org/sites/default/files/esd_english_0.pdf (Дата посещения: 08.08.2017.)

- Ross C.* Regional elections and electoral authoritarianism in Russia // *Europe-Asia studies*. – Glasgow, 2011. – Vol. 63, N 4. – P. 641–662.
- Ross C.* Regional elections and electoral malpractice in Russia: The manipulation of electoral rules, voters and votes // *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. – Cambridge, 2014. – Vol. 3, issue 1. – P. 147–172.
- Ryzhkov V.* United Russia wins elections but not respect // *The Moscow times*. – 2014. – September 22. – Mode of access: <https://themoscowtimes.com/articles/united-russia-wins-elections-but-not-respect-39646> (Дата посещения: 08.08.2017.)
- Schedler A.* Authoritarianism's last line of defense // *Journal of democracy*. – Washington, 2010. – Vol. 21, N 1. – P. 69–80.
- Schedler A.* The politics of uncertainty: Sustaining and subverting electoral authoritarianism. – Oxford: Oxford univ. press, 2013. – 493 p.
- Simpser A.* Why governments and parties manipulate elections: Theory, practice and implications. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. – 281 p.
- Wright W.* Russia's democratic opposition on the ropes // *Global voices*. – 2015. – August 19. – Mode of access: <https://globalvoices.org/2015/08/08/russias-democratic-coalition-is-on-the-ropes/> (Дата посещения: 08.08.2017.)